

Формула электорального суверенитета: от предотвращения вмешательства к концепции электоральной безопасности

Бояшов Анатолий Сергеевич,
главный советник управления внешней политики Белорусского
института стратегических исследований, кандидат политических наук.

В статье проанализированы структура электорального вмешательства и основные стратегии его субъектов («Качели» и «Блицкриг»). Приведены примеры из политической практики Молдавии и Грузии, свидетельствующие о вторжении внешних сил во внутренние дела этих государств. Опираясь на исследования конкретных технологий, автор выделяет слагаемые формулы электорального суверенитета, к которым он причисляет противодействие технологиям вмешательства и работу с запросами граждан. Предпринята попытка сформулировать комплекс рекомендаций для развития политической системы, которая была бы «иммунной» к электоральному вмешательству.

Цитирование: Бояшов А.С. Формула электорального суверенитета: от предотвращения вмешательства к концепции электоральной безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 4 (91). С. 190–207.

Ключевые слова

цветные революции

электоральный суверенитет

The Formula of Electoral Sovereignty: From Interference Prevention to Electoral Security Doctrine

Anatoly S. Boyashov,

Chief Advisor at the Foreign Policy Department of the Belarusian Institute for Strategic Studies, Candidate of Political Sciences.

The article analyzes the practice of elections interference and main strategies employed by its actors (e.g. «the Seesaw» and «Blitzkrieg»). A number of cases from Moldova's and Georgia's politics are provided here, demonstrating obvious foreign interventions in these nations' domestic affairs. Basing on case studies of certain applied technologies, the author identifies key elements of electoral sovereignty doctrine, which include meddling prevention technologies and citizens feedback channels. A comprehensive set of recommendations for developing a political system immune to electoral interference is proposed in the article.

Citation: *Boyashov A.S. The Formula of Electoral Sovereignty: From Interference Prevention to Electoral Security Doctrine // National Strategy Issues. 2025. No. 4 (91). P. 190–207.*

Keywords

color revolutions

electoral sovereignty

Традиционно многообразные формы вмешательства во внутривнутриполитические процессы в ряде стран и регионов мира, в том числе в электоральные, маскируют долгосрочные стратегии внешних акторов по закабалению экономики того или иного государства, дискредитации его политических институтов, стравливанию социальных сил между собой, формированию параллельных властных структур и пр. В конечном счёте они нацелены на свержение руководства страны. Об этом свидетельствуют самые, казалось бы, полярные сценарии, например протесты во Франции 1968 г., период распада блока Восточной Европы в 1989 г., ситуация в таких странах, как Украина, которая прошла путь от «оранжевой революции» до Евромайдана, Сирия, пережившая кризис 2011 г., но всё же столкнувшаяся со сменой руководства в конце 2024 г. Сегодня, в условиях обострения межгосударственной конкуренции и нагнетания конфликтности в различных частях света, стремительной цифровизации, простого реагирования для противодействия такого рода стратегиям уже недостаточно. Необходимо работать на упреждение, повышая устойчивость политической системы и «иммунитет» общества к электоральному вмешательству.

Проблема поверхностного анализа феномена

Главная трудность при изучении вмешательства в выборы и референдумы заключается в том, что его скрытый характер нередко приводит к поверхностному исследованию данного феномена. Одни эксперты пытаются убедить мировое сообщество в том, что такого рода практика – это норма, другие ищут виновных чаще всего за рубежом. Третьи уделяют внимание процедурным моментам, игнорируя ключевой смысл избирательных процессов – доверие граждан к высшей власти. Как результат, наблюдателям искусно навязывается не соответствующая реальности, ложная картина электорального вмешательства, не позволяющая прогнозировать действия соперников и, как следствие, затрудняющая работу на упреждение.

Результаты научного труда Белорусского института стратегических исследований, вышедшего в свет в начале 2025 г., свидетельствуют: несмотря на то что в отношении многих стран из года в год применяется один и тот же набор технологий электорального вмешательства, их конкретные формы постоянно совершенствуются¹. Его инициаторы учитывают особенности политической системы, состояние массового сознания общества, специфику целевых

¹ Бояшов А.С., Пунченко В.Н., Романовский В.А. Вмешательство в выборы: динамика и способы предотвращения. Минск: БИСИ, 2025. 52 с.

аудиторий, инфраструктуру внешнего финансирования, степень технической оснащённости, а также наличие либо отсутствие образа будущего развития. Так, в 2010-х гг. на фоне децентрализации системы управления на Украине западные государства умело комбинировали внешний контроль каналов обновления власти (технология «псевдоинкубатор») с мобилизацией радикалов через навязывание несовместимого с зоной свободной торговли СНГ соглашения с Евро-союзом (технология «конфликт интеграций»). Спусковым крючком стало раздувание рисков в аналитической работе, что позволило подтолкнуть лиц, принимающих решения, к «диалогу с улицей».

Ввиду того что для каждой страны подбирается определённый набор технологий, соответствующий актуальной международной обстановке и внутривнутриполитической ситуации, анализ целесообразно выстраивать на основе так называемой *матрицы четырёх измерений вмешательства*. Она состоит из следующих проекций: 1) внешние и 2) внутренние факторы; 3) внешние и 4) внутренние механизмы.

Под *факторами вмешательства* целесообразно понимать условия, обстоятельства или переменные, которые формируют возможность влияния на внутривнутриполитические процессы зарубежных стран. *Механизмы вмешательства* – это последовательность событий или процессов, которые объясняют, как факторы вмешательства взаимодействуют и приводят к требуемому результату – протестам, вооружённому конфликту либо, наоборот, к компромиссам. И факторы, и механизмы могут иметь как внешнюю, так и внутреннюю природу².

Внешние факторы и механизмы в разной степени присутствуют практически в каждом случае вмешательства в силу перманентности межцивилизационного противостояния и наличия достаточно широкого арсенала средств (военных, экономических, информационных и др.) для оказания воздействия на определённые общественные слои стран-объектов. Внутренние же факторы и механизмы в периоды стабильности менее выражены (либо имеют латентный характер). При этом они более доступны для исследования и разработки мер для их локализации³.

Важно отметить относительно новый, но ставший уже *принципиальным фактор* – стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект,

² Подробнее см.: Технологии внешнего вмешательства – четыре измерения // Белорус. ин-т стратегических исслед. 2025. 12 июня. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/tekhnologii-vneshnego-vmeshatelstva-chetyre-izmereniya?ysclid=mcqe4fz1i285964355> (дата обращения: 05.07.2025).

³ Там же.

которое затрудняет прогнозирование электорального вмешательства. Например, на фоне создания альтернативных органов администрирования выборов в интернете уже появился весьма подвижный с политтехнологической точки зрения глобальный «избирательный онлайн-округ», для которого важны количество подписчиков и цифровые алгоритмы продвижения контента, а не государственная принадлежность граждан⁴.

В целом же указанные аспекты свидетельствуют о том, что результативная работа по предотвращению угроз избирательным процессам не может вестись без выявления самой формулы электорального суверенитета. Если понимать под электоральным вмешательством целенаправленное воздействие внешних акторов на политическую систему страны против воли её руководства, ориентированное на изменение системообразующих государственных институтов, то главный вопрос можно сформулировать следующим образом: что должно лежать в основе такой политической системы, которая не просто реагировала бы на постоянно обновляющиеся технологии электорального вмешательства, а обладала бы «иммунитетом» к нему?

Точки зрения

Если обратить внимание на дискуссии многих зарубежных специалистов, то складывается впечатление, что электоральному вмешательству противостоять невозможно. Широко тиражируемый тезис о том, что «демократии не воюют друг с другом», фактически утверждает подобные практики в качестве нормы для тех политических систем, которые отличаются от западной модели⁵. Многообразие альтернативных незападных политических традиций в одночасье объявлено «авторитарным». В то время как в самих трансатлантических государствах за воздействие на ход избирательных процессов предусмотрена уголовная ответственность, западному наблюдателю предлагается оценивать любую ситуацию со стороны неких «демократических принципов».

В связи с этим неудивительно, что в странах по обе стороны Атлантики так распространены концепции, оправдывающие различного рода вмешательство во внутренние дела государств, в том числе электоральное. Концепция «ответственности по защите» (responsibility to protect), несмотря на изначально убедительное разведение силового и правочеловеческого компонентов, фактически стала

⁴ Чеснаков А.А., Пареньков Д.А. Ощетинившиеся акторы: Государства в поисках лекарства от вмешательства // Россия в глобальной политике. 2024. № 3. С. 82–102.

⁵ Owen J. How Liberalism Produces Democratic Peace // International Security. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 87–125.

кодексом проведения гуманитарных интервенций⁶. После дискредитации в Совете Безопасности «ответственность по защите» была трансформирована в Совете ООН по правам человека в концепцию предотвращения нарушений прав человека, подразумевавшую размещение иностранного контингента на раннем этапе эскалации противостояния с целью устранения «глубинных причин» потенциальной дестабилизации⁷.

Гуманитарные интервенции задумывались как инструмент разрешения конфликтов на основе многостороннего взаимодействия, но на практике были использованы западными государствами, например, в Ираке, Ливии и Сирии попросту для свержения действующей власти. В результате такой «гуманитарной помощи» фактически произошло сращивание терроризма с международной оргпреступностью⁸. Концепции «ненасильственного протеста», «умных санкций» и «умной толпы» вовсе задумывались как политическая технология стравливания социальных групп граждан с управленцами и представителями государственной службы⁹. В соответствии с концепцией «гегемонистской стабильности» доминантная сила, будь то государство, организация, группа или корпорация, всегда будет вмешиваться во внутренние дела более слабой страны для поддержания либеральной международной торговли, в том числе через «прогрессорство» в рамках открытия рынков, снижения таможенных барьеров, гарантирования инвестиций и пр.¹⁰

Названные и многие другие концепции оправдывают вмешательство во внутриполитические процессы суверенных государств,

⁶ Котляр В.С. «Ответственность при защите» и «арабская весна» // *Международ. жизнь*. 2012. № 9. С. 99–114.

⁷ Бояшов А.С. Государство в структуре сложных сетей Совета ООН по правам человека // *Совр. Европа*. 2021. № 6. С. 155–166.

⁸ Ходынская-Голенищева М.С. Терроризм в Сирии: американская стратегия «борьбы с экстремистами» и её последствия для региональной и мировой безопасности // *Известия Дагестанского гос. пед. ун-та*. 2015. № 4. С. 17–24.

⁹ Аббасов Р.Г. Джин Шарп: политологический плагиат или классика цветных революций? // *Науч. ведомости*. Сер.: Философия, социология, право. 2016. № 24 (245). Вып. 38. С. 135–140; Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-Пресс, 2006. 416 с.; Тимофеев И.Н. Государство или лицо: против кого вводят «умные санкции»? // *Рос. совет по междунар. делам*. 2021. 4 февраля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gosudarstvo-ili-litso-protiv-kogo-vvodyat-umnye-sanktsii/> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁰ Ткаченко С.Л., Койл У. БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности // *Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Междунар. отношения*. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 294–309.

осуществляемое в целях изменения политических решений страны-объекта путём выдвижения на передний план деталей, имеющих в действительности непринципиальный характер. Указанное отнюдь не означает отсутствия в академическом поле подлинно аналитической мысли: та же теория «сложной гегемонии», получившая распространение в западной литературе, одними исследователями используется для легитимации приватизации международных организаций со стороны отдельных государств, а другими – для выявления неизбежной взаимосвязи между вмешательством во внутренние дела и «законами капитализма»¹¹.

Наряду с наукой подмена понятий коснулась и дипломатии. Так, удивительно применение целого спектра понятий языка вмешательства в переговорной практике. Слова «госпереворот», «революция» и «восстание масс» получили новые трактовки в виде «смены режима», «демократического транзита» и «продвижения прав человека». Несмотря на то что ни одна революция XXI в. не закончилась подлинным расширением гражданских прав и свобод, эти псевдодипломатические теории продолжают внедряться в нормативно-правовую базу международных и региональных организаций, включая официальный язык системы ООН.

В свою очередь, в среде российских исследователей проблематики электорального вмешательства распространён интерес к концепциям неокOLONиализма, цветных революций, «управляемого хаоса», «контролируемой нестабильности» и пр.¹² Однако стоит отметить, что в таких подходах нередко нивелируется взаимосвязь внешнего фактора и внутренних противоречий. Отсюда возникает ряд вопросов. Можно ли игнорировать факт вмешательства в том случае, когда внешнее управление не устанавливается, а объект доводят до кипения постепенно, работая на истощение? Подразумеваем ли мы, что если вмешательство не приводит к госперевороту или цветной революции, то оно перестаёт быть таковым? В какой момент политического цикла ожидать его крайней степени проявления?

В целом, как представляется, научные труды и аналитика в области иностранных интервенций и цветных революций могут быть усилены благодаря углублённому изучению вопросов динамики вмешательства, иерархии вовлечённых в процесс акторов, взаимозависимости угроз извне и внутренних противоречий и пр.

¹¹ Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестн. междунар. организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 172–183.

¹² См., напр.: Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель-Observer. 2015. № 12. С. 38–51.

«Лестница эскалации вмешательства» и «закон термидора»

В прикладных политологических исследованиях тема вмешательства начала активно разрабатываться с 1992 г. На основе тезиса теории сложных систем о взаимном влиянии одного элемента системы на другие делается вывод о том, что любым государством можно управлять извне, если провоцировать системные изменения в социуме, разжигая его болевые точки в нужный момент времени¹³. Как правило, исследования в этой области ссылаются на идею о скачкообразной эволюции, выдвинутую немецким учёным Отто Шиндевольфом в 1950 г., о том, что рост сложности (другими словами, хаоса) либо ведёт к разрушению системы, либо открывает возможности для её развития.

Сложные неравновесные системы, такие как государство, эволюционируют до критической стадии, на которой незначительное на первый взгляд изменение может вызвать последствия, способные затронуть многие элементы системы¹⁴. Прикладное значение данного тезиса состоит в том, что на этапе развития политической системы маленьких проблем не бывает. *В этом вся суть*: инициатору вмешательства важно запустить цепную реакцию, например, заложить «пороховую бочку» путём создания параллельных псевдогосударственных структур и перехватить каналы управления в ходе процесса перераспределения власти. Отметим, что на практике данный постулат сегодня находит своё отражение в динамике внутривнутриполитической ситуации на Украине.

Надо понимать, что, содействуя хаосу, инициатор вмешательства не заинтересован в выходе системы на более высокий уровень. С этой точки зрения употребление термина «цветная революция» для обозначения подобной практики на постсоветском пространстве имеет во многом манипулятивный характер, ведь электоральное вмешательство там никогда не приводило к прогрессивной смене общественного строя или резкой реконфигурации самой модели социально-политических отношений. Дело заканчивалось лишь ротацией управленческих групп, несмотря на то что организаторы нелегитимных практик убеждали людей в революционном значении момента. Яркие иллюстрируют указанный тезис анархия и олигархат, используемые под видом продвижения «демократии» для экспорта сырья и обогащения узкого круга лиц. Даже американский социолог

¹³ Mann St.R. Chaos Theory and Strategic Art // Parameters. 1992. Vol. 22. No. 1. P. 54–68.

¹⁴ Митрошенков О.А. Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // Власть. 2017. № 8. С. 64–73.

Джек Голдстоун, ярый апологет вмешательства во внутренние дела государств под видом демократического транзита, замечает: «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается надёжного перехода к демократии»¹⁵.

Современные формы такой работы не способствуют переходу обществ на новую ступень прогресса, скорее наоборот, в ходе дестабилизации производственная система социума деградирует в угоду интересам узкой группы лиц. Но ввиду того что финансирование революционных витков извне может закончиться созданием более устойчивой политической системы, как нам тоже показывала история, актуальные методы вмешательства всё чаще ограничиваются поддержкой беспорядков не для перераспределения благ среди населения, а именно для перехвата рычагов управления.

Результативность противодействия электоральному вмешательству может повысить знание конфигурации субъекта и стратегии такой работы. Акторы, пытающиеся оказать влияние на выборные процессы, напоминают сложные сети из организаций с разной формой собственности. Вопреки расхожему мнению о горизонтальном характере связей (якобы неправительственные структуры независимы от государств), иерархичность сложных сетей сохраняется, наделяя не корпоративных или неправительственных игроков, а именно государства функцией воспроизводства сетевой коммуникации.

Комплекс международных и неправительственных организаций используется политическими властями как канал кадровых и финансовых ресурсов. Многочисленные разноуровневые связи позволяют увеличивать результативность пропаганды: количество источников информации возрастает, путём перекрёстной проверки улучшается её качество, а достижение целей руками других акторов нивелирует репутационные издержки. Так, дипломат может по ротации переходить не на следующий уровень служебной лестницы, а пополнить состав международных гражданских сотрудников или НПО, формально более не представляя то или иное государство, но соблюдая его интересы и сохраняя иерархию «госслужащего» внутри сети¹⁶.

Система международных и неправительственных организаций, используемая на начальном этапе вмешательства, постепенно уходит из активной политической жизни и в лучшем случае выступает в роли финансового канала. Этот феномен объясняется тем, что

¹⁵ Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Ин-т Гайдара, 2015. С. 161.

¹⁶ Бояшов А.С., Лешенюк О.Н. Сетевой анализ внешней политики на примере действий Европейского союза в системе ООН // Науч. труды Республиканского ин-та высш. шк. Философско-гуманитарные науки. 2024. Т. 23. Вып. 1. С. 18–27.

динамика электорального вмешательства построена на так называемом законе *термидора*¹⁷. В соответствии с ним в условиях дестабилизации внутренней ситуации власть ускользает из рук первоначальных инициаторов беспорядков и перехватывается иными акторами, опирающимися на более умеренную и консервативную линию.

Принцип *лестницы эскалации вмешательства* предполагает постепенный переход субъекта от малых шагов к более решительным действиям, например от информационных манипуляций в ходе выборов к инфильтрации в политическую систему лиц, находящихся под иностранным влиянием, и дальнейшей интервенции¹⁸. Примечательно в этом контексте то, что сегодня силовые провокации в избирательном процессе не представляют собой завершающую стадию вмешательства, а могут быть использованы в качестве спускового крючка для дискредитации властных кругов и последующей дестабилизации внутривнутриполитической ситуации. Таким образом, «лестница эскалации» предусматривает усиление вмешательства через активизацию всех имеющихся связей сложных сетей (информационные манипуляции, санкции, силовые провокации и пр.).

Отличительной чертой электорального вмешательства на современном этапе является и отсутствие аффилиации с определённой политической ориентацией социальных групп. Задача внешних сил состоит во вращивании системных противоречий в обществе с первоначальным эффектом стравливания оппонентов между собой. Ввиду этого субъекту влияния важно содействовать накачке раздражающей информацией не «правых» или «левых», а тех групп и общностей, в которых явно обострены или могут обостриться социальные противоречия (которые впоследствии точно будут синхронизировать внешнеполитические приоритеты с управляющим иностранным субъектом). Принципиальное значение имеет именно накопившаяся конфликтная энергия социальных масс, а не условная идентичность по линии «правый – центрист – левый».

В целом динамика электорального вмешательства основывается на приоритете изменения сложившегося в стране баланса политических сил, конвенциональных принципов, обеспечивающих целостность общества (например, национальных интересов, политических традиций или экономических механизмов), а также на задействовании социального недовольства отдельных общественных групп.

¹⁷ Закон, названный историографами Великой французской революции исходя из падения Максимилиана Робеспьера 9 термидора II года (27 июля 1794 г.). Подробнее см.: Гринин Л.Е. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. 2017. Т. 10. № 2. С. 5–42.

¹⁸ Сучков М.А. Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы // Полис. Полит. исслед. 2024. № 3. С. 8–23.

Политическая практика

В качестве примеров обозначенных выше гипотез и теоретических постулатов уместно привести развёрнутую с помощью Агентства США по международному развитию (U.S. Agency for International Development) инфраструктуру содействия подрывной работе радикальных сил на постсоветском пространстве¹⁹. Так, в Грузии комплексная система «серых» политических сил в виде некоммерческих организаций длительное время получала финансовую и кадровую подпитку от западных стран, фондов и интеграционных объединений. В 2024 г. в преддверии выборов попытки силовой дестабилизации в Тбилиси сопровождались вбросами фальшивых социологических данных, указывающих на поддержку оппозиции 80 % местного населения и, как следствие, подталкивающих лиц, принимающих решения, к переговорам с «улицей» и «майданному сценарию». Примечательно, что национально-консервативный поворот в Соединённых Штатах, набирающий мощь в последнее время, пока существо дела не изменил: за день «работы» на протестах в Тбилиси по-прежнему платят 120 евро, рассматривается вариант доставки наличной валюты из посольств государств Евросоюза в Армении²⁰.

Не менее интересна ситуация в Молдавии, где под видом «борьбы с фейками» и «справедливого уголовного преследования» у власти сохраняются прозападные силы. Так, в 2021 г. якобы для соблюдения чрезвычайного положения, инициированного президентом Майей Санду, была создана Комиссия по чрезвычайным ситуациям (*рум. Comisia pentru situații excepționale a Republicii Moldova*), которая наделила себя полномочиями издавать распоряжения, обязательные для исполнения государственными организациями и частными компаниями, а также отдельными лицами, находящимися на территории страны, вводить особый режим передвижения по ней, координировать работу СМИ, регулировать проведение массовых собраний и демонстраций, принимать другие чрезвычайные меры²¹. Фактически путём её учреждения был сформирован неконституционный механизм

¹⁹ Филатов С. Американская «помощь» от USAID оказалась «долларовой прачечной» // Междунар. жизнь. 2025. 10 февраля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/50075> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁰ Евросоюз на хочет «отпускать на волю» Грузию // Служба внешней разведки Российской Федерации. 2025. 27 февраля. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2025/02/evro-soyuz-ne-khochet-otpuskat-na-volyu-gruziyu.htm> (дата обращения: 11.03.2025).

²¹ Комиссия по чрезвычайным ситуациям Республики Молдова. Распоряжение № 1 от 1 апреля 2021 года // Гос. канцелярия. URL: https://cancelaria.gov.md/sites/default/files/rasporyazhenie_nr_1_din_1.04.2021.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

управления, не ограниченный нормами существующего законодательства и используемый для институционализации инструментов внешнего электорального вмешательства. Комиссия в течение 2021–2023 гг. принимала решения в сферах, не предусмотренных предоставленными ей при создании полномочиями. Её деятельность позволила М. Санду закрыть неугодные телеканалы, ввести санкции против оппозиции, устранить соперников по предвыборной гонке. Так, Комиссия распорядилась аннулировать регистрацию лиц, выдвинутых политической партией «Шанс» на всеобщих местных выборах 5 ноября 2023 г. С её помощью из электорального цикла были исключены все кандидаты, баллотировавшиеся в советники и примары от партии «Шанс», в количестве 8605 чел.

Тем не менее, как показывают нынешние протесты, эти усилия не привели к консолидации молдавского общества и росту социальной поддержки действующего президента. Для устранения угрозы её власти к концу 2024 г. дело дошло до рассмотрения в правительстве сценария силового захвата Приднестровья. В марте 2025 г. молдавское руководство запустило процедуру смещения с политической авансцены главы Гагаузии Евгении Гуцул. По оценкам ряда аналитиков, возбуждённое против неё уголовное дело характеризуется многочисленными процессуальными нарушениями, а лейтмотивом его появления стало не что иное, как противостояние Е. Гуцул антироссийской политике Кишинёва.

Основные стратегии электорального вмешательства и возможные способы противодействия им

Главная проблема при анализе динамики электорального вмешательства заключается в выборе в качестве объекта исследования коротких избирательных кампаний вместо изучения длинных политических циклов. При таком подходе степень вмешательства находится в прямой зависимости от приближения к дню голосования, затем снижаясь. Эксперты указывают на то, что чрезмерная фокусировка на самих выборах игнорирует другие формы вмешательства, такие как культурные, образовательные и экономические²².

При этом эффективность конкретных способов противодействия внешнему воздействию зависит от того, насколько точно проведён анализ стратегий его инициаторов. Как правило, для влияния на избирательные процессы связи между субъектами и механизмами вмешательства активизируются в соответствии с *двумя основными стратегиями*.

²² Чеснаков А.А., Пареньков Д.А. Указ. соч.

В случае применения стратегии «Блицкриг» «лестница эскалации» растёт по мере приближения к дню голосования (рис. 1). При этом сценарии противодействие ведётся через контртехнологии. Его практика изобилует примерами успешного реагирования, как минимум в странах СНГ: внеочередные выборы, смещение дня голосования, увеличение числа дней голосования, единый день голосования, совмещение избирательных кампаний с референдумами, отмена выборов, контрпропаганда, перекрытие каналов иностранного финансирования партий и СМИ.

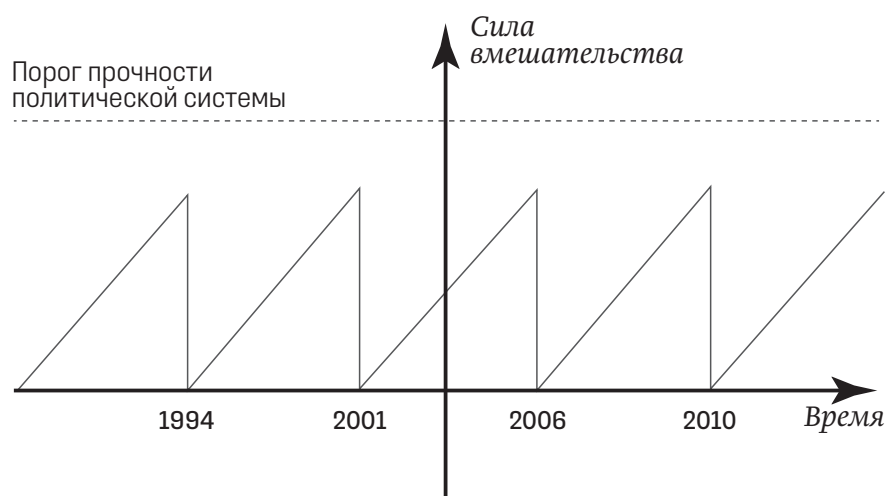
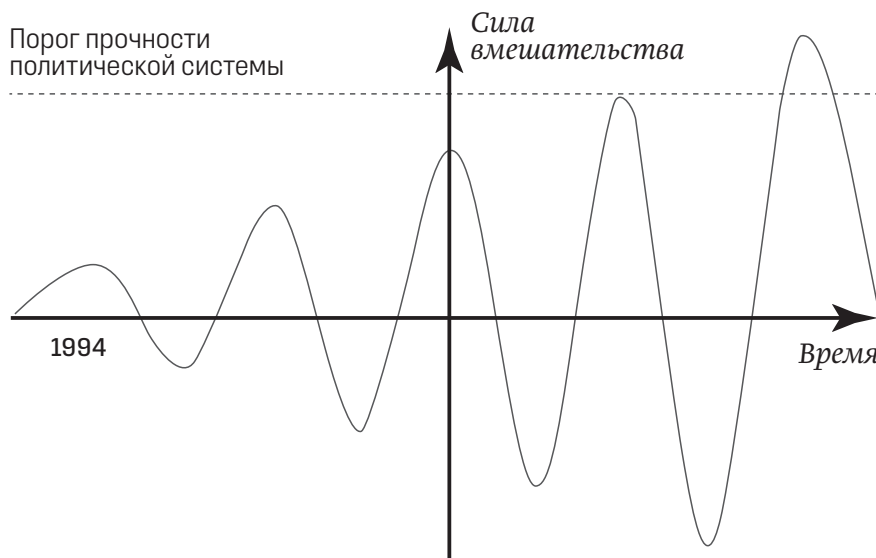

Рис. 1. Стратегия «Блицкриг»

Источник: подготовлено автором

При использовании стратегии «Качели» градус политической напряжённости повышается циклично – в моменты принятия стратегических решений (рис. 2). В таком случае применяются методы предотвращения электорального вмешательства, основанные на активном взаимодействии власти и общества: удовлетворение запросов различных социально-демографических групп, развитие партийного строительства и института президентства, формирование дополнительных «точек опоры» на основе органов народовластия, рост прозрачности (цифровизация), сдерживание сложности избирательного процесса (синхронизация избирательных циклов) и пр.

Здесь в качестве примера успешного противодействия электоральному вмешательству можно привести белорусский опыт внесения поправок в Конституцию и избирательный кодекс страны (по результатам республиканского референдума от 27 февраля 2022 г.). В результате изменений национального законодательства программа пятилетнего социально-экономического планирования

Рис. 2. Стратегия «Качели»

Источник: подготовлено автором

страны теперь сопряжена с выборами всех уровней, включая президентские. С одной стороны, воспроизводство политической системы обеспечивается путём перезаключения «общественного договора» каждые пять лет. С другой стороны, моменты принятия стратегических решений и мобилизации общества не собраны в одной точке, что позволяет предотвращать вмешательство. Так, в течение 2024 г. были сформированы Палата представителей, местные парламенты, Совет Республики и Всебелорусское народное собрание, а в 2025 г. избран глава государства и принята программа развития Республики Беларусь на пять лет.

Вопрос о том, как сделать политическую систему ещё более «иммунной» к электоральному вмешательству, стоял в центре дискуссии международного круглого стола «Обеспечение электоральной безопасности и противодействие вмешательству в выборы: опыт Беларуси», который состоялся 27 января 2025 г. в Минске²³. Профессиональные аналитики, принявшие участие в наблюдении за выборами президента страны, предложили основные составляющие электорального суверенитета, уже апробированные в ходе успешных избирательных кампаний в ряде государств мира.

²³ Белорусские аналитики совместно с международными экспертами вывели формулу электорального суверенитета // СБ. Беларусь сегодня. 2025. 28 января. URL: <https://www.sb.by/articles/formula-elektoralnogo-suvereniteta.html> (дата обращения: 10.02.2025).

Особое место в предотвращении вмешательства в политические процессы, по мнению приглашённых экспертов, занимают наличие внутреннего источника легитимности, отсутствие инфраструктуры для иностранного влияния, финансовая и экономическая независимость страны, безопасность организации выборов, работа с молодым поколением (особенно несовершеннолетними), противодействие информационным манипуляциям, а также предложение желаемого образа будущего в рамках «общественного договора». Именно эти составляющие, как отмечают специалисты, могут способствовать формированию электорального суверенитета и его утверждению в стратегической перспективе, повышая вовлечённость общества в дела государства и доверие граждан к результатам избирательного процесса.

* *

*

Проведённый анализ основных слагаемых формулы электорального суверенитета свидетельствует о потенциале сближения подходов ряда стран в области противодействия такому вмешательству. Сегодня в данном направлении активно взаимодействуют две братские страны Союзного государства, в том числе посредством подготовки соответствующих рекомендаций и модельного законодательства в межпарламентских структурах Содружества Независимых Государств и Организации Договора о коллективной безопасности. Так, под белорусским председательством в Консультативном совете руководителей избирательных органов СНГ запущен процесс разработки эффективных международных стандартов и обмена лучшими практиками²⁴. Задел сформирован и в рамках Союзного государства: обновление концепции безопасности, союзные программы и двусторонняя координация внешнеполитических приоритетов позволяют заблаговременно нивелировать вызовы вмешательства во внутривнутриполитические процессы, связанные с западными санкциями и попытками «приватизировать» международные организации узкой группой стран.

Возможно, следующим шагом в этом направлении станет подготовка международной концепции электоральной безопасности,

²⁴ *Бояшов А.С.* Председательство Беларуси в Консультативном совете руководителей избирательных органов государств СНГ: курс на реально работающие международные стандарты // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. 2024. 3 октября. URL: <https://www.rec.gov.by/uploads/files/Pdf/boyashov-stat2.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

предлагающей как концептуальные подходы в области защиты электорального суверенитета, столь необходимые на современном этапе мирового развития, так и конкретные организационные механизмы реализации этой идеи.

С точки зрения тематического наполнения концепция может содержать общие подходы к определению ключевых межгосударственных интересов и существующих вызовов и угроз в электоральной сфере, что позволит актуализировать практическое наполнение принципа невмешательства во внутренние дела.

Вопрос о том, под эгидой какой организации стоило бы разрабатывать и принимать подобную концепцию, остаётся открытым. Очевидно, что самые разные государства в ряде регионов сталкиваются с дефицитом действенных международных избирательных стандартов. Политизация института международного наблюдения за выборами (в том числе посредством его ресурсного переплетения с западными НПО) вызывает сомнения относительно профессионализма занимающихся этим лиц. Политическая практика показывает неуместность универсального уровня: наиболее эффективными механизмами многостороннего взаимодействия сегодня становятся региональные структуры.

Перспективной площадкой для активизации указанной работы, по нашему мнению, может служить Шанхайская организация сотрудничества. Именно в ШОС есть соответствующий задел: в ней создан межгосударственный Форум аналитических центров, Секретариат ведёт международное наблюдение за выборами, а ежегодные документы Совета глав государств уже продвигают стандарт многообразия политических систем – право народов на самостоятельный выбор политического развития.

Не исключено, что смысловому и содержательному наполнению концепции электоральной безопасности способствовал бы институт государственных экспертно-аналитических центров, ведущих совместные методологические исследования в области предотвращения электорального вмешательства и осуществляющих обмен лучшими практиками.

Список литературы

1. Аббасов Р.Г. Джин Шарп: политологический плагиат или классика цветных революций? // Науч. ведомости. Сер.: Философия, социология, право. 2016. № 24 (245). Вып. 38. С. 135–140.

2. Белорусские аналитики совместно с международными экспертами вывели формулу электорального суверенитета // СБ. Беларусь сегодня. 2025. 28 января. URL: <https://www.sb.by/articles/formula-elektoralnogo-suvereniteta.html> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Бояшов А.С. Государство в структуре сложных сетей Совета ООН по правам человека // Совр. Европа. 2021. № 6. С. 155–166.
4. Бояшов А.С., Лешенюк О.Н. Сетевой анализ внешней политики на примере действий Европейского союза в системе ООН // Науч. труды Республиканского ин-та высш. шк. Философско-гуманитарные науки. 2024. Т. 23. Вып. 1. С. 18–27.
5. Бояшов А.С. Председательство Беларуси в Консультативном совете руководителей избирательных органов государств СНГ: курс на реально работающие международные стандарты // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. 2024. 3 октября. URL: <https://www.rec.gov.by/uploads/files/Pdf/boyashov-stat2.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
6. Бояшов А.С., Пунченко В.Н., Романовский В.А. Вмешательство в выборы: динамика и способы предотвращения. Минск: БИСИ, 2025. 52 с.
7. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Ин-т Гайдара, 2015. 192 с.
8. Гринин Л.Е. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. 2017. Т. 10. № 2. С. 5–42.
9. Котляр В.С. «Ответственность при защите» и «арабская весна» // Междунар. жизнь. 2012. № 9. С. 99–114.
10. Митрошенков О.А. Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // Власть. 2017. № 8. С. 64–73.
11. Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель-Observer. 2015. № 12. С. 38–51.
12. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-Пресс, 2006. 416 с.
13. Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестн. междунар. организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 172–183.
14. Сучков М.А. Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы // Полис. Полит. исслед. 2024. № 3. С. 8–23.
15. Технологии внешнего вмешательства – четыре измерения // Белорус. ин-т стратегических исслед. 2025. 12 июня. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/tekhnologii-vneshnego-vmeshatelstva-chetyre-izmereniya?ysclid=mcqe4fzli285964355> (дата обращения: 05.07.2025).
16. Тимофеев И.Н. Государство или лицо: против кого вводят «умные санкции»? // Рос. совет по междунар. делам. 2021. 4 февраля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gosudarstvo-ili-litso-protiv-kogo-vvodyat-umnye-sanktsii/> (дата обращения: 11.03.2025).

17. Ткаченко С.Л., Койл У. БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Междунар. отношения. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 294–309.
18. Ходынская-Голенищева М.С. Терроризм в Сирии: американская стратегия «борьбы с экстремистами» и её последствия для региональной и мировой безопасности // Известия Дагестанского гос. пед. ун-та. 2015. № 4. С. 17–24.
19. Чеснаков А.А., Пареньков Д.А. Ощетинившиеся акторы: Государства в поисках лекарства от вмешательства // Россия в глобальной политике. 2024. № 3. С. 82–102.
20. Mann St.R. Chaos Theory and Strategic Art // Parameters. 1992. Vol. 22. No. 1. P. 54–68.
21. Owen J. How Liberalism Produces Democratic Peace // International Security. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 87–125.